

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Очерк Кубе, к которому приложен указатель специальной литературы, составлен применительно к собранию майолик бывшего музея Штигида. Несмотря на сжатость изложения, он может служить прекрасным кратким обзором для майолик вообще и дает возможность проследить в основных чертах ход восточных влияний в течение нескольких веков существования майоличного производства.

В. Крачковская.

◆ *Eduard Sachau.* Vom asiatischen Reich der Türkei. Weimar. G. Kiepenheuer. 1915. 8^c pp. 36 (Deutsche Orientbücherei, III). Эд. Захау. Об Азиатской Турции.

Отдавая дань моменту, заслуженный арабист Эд. Захау, хорошо знавший Азиатскую Турцию (первое путешествие в Месопотамию совершено им в 80-м году прошлого столетия), написал брошюру о значении Малой Азии, куда, как было ясно уже во время балканской войны 1912 — 1913 г.г., должен переместиться центр государства. Автор набрасывает сначала физико-этнографический эскиз страны, — юго-восточных окраин (Сирии, Месопотамии, Вавилона), населенных арабами. Удаленные из поля зрения европейцев, эти земли представляют для исследователя большой интерес. Замечая запустение там, где когда-то процветала культура, Захау разбирает условия, при которых может подняться благосостояние страны. Ему кажется, что перед предпринимчивым иностранцем-техником открывается простор и для увеличения сети путей сообщения, и для улучшения ирригационной системы. Но экономика зависит все-таки от того, насколько упорядочен государственный аппарат. Не будучи ослеплен османцами, Захау видит беззащитное положение трудолюбивых земледельцев-армян, которые постоянно находятся под угрозой нападения и разорения со стороны соседей-курдов, гнездящихся в горах. И он настаивает на признании прав за национальными меньшинствами. По опыту Македонии он знает, как опасна „национальная чересполосица“, когда бок-о-бок переплетаются и сталкиваются противоречивые, непримиримые интересы различных народов. И он задумывается над проблемой о переселении, но ему противны насильственные выселения, — противоестественные массовые переброски, которые практиковались в исторической жизни Древнего Востока. Ученый-теоретик, он отказывается предложить какую-нибудь меру; современные османцы, как мы знаем, охваченные националистическим шовинизмом, готовы

живых людей (неугодных им) перетасовать, силой подчинить турецкому укладу, а попросту — отуречить.

Нового в брошюре нет ничего, она рассчитана на среднего читателя, но трезвый подход авторитетного ученого делает ее небесполезным вкладом в популярную литературу о Турции.

Вл. Гордлевский.

◆ *Halide Edib Hanım.* Das neue Turan. Ein türkisches Frauenschicksal. Weimar. G. Kiepenheuer. 1916. 8^c pp. XI+94 (Deutsche Orientbücherei, VI). Халиде Эдиб. Новый Туран. Женская доля.

„Гениальная писательница“, как отзывался Хахтман¹⁾, горячая поборница эмансипации женщины в Турции, Халиде Эдиб занимает одно из первых мест среди представителей новой, национальной, школы литераторов, приемающих туранство. Утопическая повесть „Новый Туран“ (написанная в 1910 году) — художественное воплощение тех идей, которые изложены в трактате Текин Алпа. Автор мечтает о том, как борьба между младотурками — „иттихадистами“, которые, отказавшись от „оттоманизации“, строят государство на принципе национально-культурной автономии, и либералами — „ахрамами“, которые, разувверившись в первоначальных идеалах, снискавших им симпатии не-турецких народностей, теперь отстаивают централизацию, — как эта борьба заканчивается торжеством обновленной Турции, стремящейся к обетованному далекому каменистому Турану, в лоно которого войдут „туранские“ народы (турки, венгры, финны). (Каким-то образом, впрочем, путь в Туран открыт и арабам, и курдам, и др.). Туран как бы уже страна международного братства, основанного на расовой, но, отчасти, и религиозной связи, и здесь слышны уже панисламистские нотки, плохо гармонирующие с национальными тонами. Для того, чтобы турецкий (анатолийский) элемент, экономически и культурно отсталый, мог сравняться с другими, христианскими, нациями государства, автор предлагает установление (сроком лет на двадцать) исключительных мер-законов, граничащих с грубым шовинизмом. Вдумчиво и любовно (как и в повести „Хандан“)²⁾ изображен у Халиде Эдиб тип передовой турчанки (Кая), которая, для спасения от смерти любимого ею вождя туранистов (Огуз-бей), выходит замуж за

1) См. „Восток“, кн. 4, стр. 202.

2) См. „Восток“, кн. 3, стр. 200.

политического противника (младотурка), и, разлученная, чахнет в чуждой ей (материнальной и духовной) атмосфере и, наконец, умирает, когда близко торжество тех идей, ради которых она пожертвовала личным, женским, счастьем; но умереть должен и ее муж, старик Хюсипаша, который, угрожая жене, постепенно отступал от программы партии (между прочим, сдержанно настроенной к женской свободе). Подчеркивая значение старших сородичей османцев, „татар“, — Халид Эдиб и Огуз-бей ведет, по матери, из Добруджи, куда, как известно, давно хлынули из Малой Азии людские волны турок.

Письмо проникнуто религиозным благоговением перед родиной, — ее природой, нравами, бытом, одеждой и т. д. Но кое-что наивно-сентиментально, а иногда незнание истории вносит ложное освещение (и культура сельджукидов, да и дервиши-мевлеви обнаруживают тяготение к миру иранскому, но не турецкому). Для композиции повести характерно введение писем, разъясняющих ход событий; это, впрочем, излюбленный прием в творчестве Халид Эдиб.

Поклонница национальной культуры, она (как и все националисты-туранисты) признает, однако, силу и европейской цивилизации, — ее дети воспитываются за границей — в Мюнхене.

Вл. Гордлевский.

◆ Проф. Ф. В. Баллод. Очерки древне-египетского искусства. Книгоиздательство В. З. Яковлева. Москва—Саратов. 1924 г., стр. 186.

Проф. Баллод своею книгой подарил русской египтологической литературе прекрасный общий труд по истории египетского искусства. Во введении автор набрасывает яркую картину того влияния, которое оказали художественные формы долины Нила на Европу, начиная с эпохи Римской империи, вплоть до наших дней. В связи с этим он дает краткий очерк развития науки истории египетского искусства как у нас, так и на Западе. Посвятив затем первую главу хронологическому очерку, Ф. В. в следующих семи главах своего труда рассматривает с исчерпывающей полнотой памятники искусства, начиная с доисторических времен, вплоть до ливийско-эфиопского периода. Здесь ему удается дать историю развития форм художественного творчества египетского народа в области архитектуры, рельефа и живописи, скульптуры и прикладного искусства. В заключение дается ясное и отчетливое определение своеобразности египетского искусства. Ценным дополнением является

приведенная в конце книги довольно полная литература предмета. — Таково в кратких словах богатое содержание труда Ф. В. Баллода. Лишь в деталях я не совсем согласен с изложением автора, и некоторые из этих моих возражений я позволю себе здесь привести. Первое из них касается хронологического очерка, в котором проф. Баллод совсем не коснулся новой датировки Л. Борхардтом начала Египетского государства. Правда, проф. Баллод в своем предисловии говорит, что новая хронологическая теория Борхардта им намеренно не упомянута потому, что „рассуждения Борхардта требуют всестороннего изучения“. Соглашаясь с этим, я все же решаюсь высказать сожаление, что Ф. В. эти „рассуждения“ не подверг „всестороннему изучению“. Хронологическая теория названного немецкого ученого, высказанная им в его исследовании „Анналы и хронологическое определение древнего царства египетской истории“ (Берлин, 1917), заслуживает большого к себе внимания. Борхардт путем остроумного и вместе с тем строго научного восстановления Палермского и Каирского фрагментов — аннал, определяет начало правления Менеса (первого царя-объединителя Египта) не 3315 г. до нашей эры, как Эд. Мейер, а 4186 г. до нашей эры. Данные раскопок в Египте, на Крите и в Финикии не противоречат, кажется, этому положению Борхардта, удлиняющему египетскую историю на целых 700—800 лет. Кое-кто из серьезных ученых, как Леман-Гаупт и Сете, начинают примыкать к новой хронологии. Даже такой осторожный исследователь, как Шефер, в последнем издании своего труда по египетскому искусству принимает ее с некоторыми оговорками. Поэтому жалею, что столь крупный эрудит, как Ф. В. Баллод, не попытался проверить возможность новой хронологии на основании мастерски трактованного им археологического и историко-художественного материала древнейших периодов Египта. Переходя к замечаниям, касающимся уже глав историко-художественного содержания, я в главе о Мемфисском искусстве высказал бы, пожалуй, пожелание о большей обстоятельности в изложении своеобразной архитектурной концепции солнечных храмов V династии. Я полагаю, что можно было бы указать на связь этих храмов с древнейшими святилищами, являющимися такими же окруженными оградой дворами с фетишем бога посредине. Интересно было бы указать и на рельефы храмовой ограды, изображающие радость тварей воды, земли и неба при восходе